

Очарованный странник

Философия Гиренка – это поэзис всего в прикосновении к «нечто» и «Кто». Это дление сокровенной паузы, в окрестностях которой всякий раз ведутся поиски «где». В испытании слова на пути к Слову.

Как поэт философии, что, конечно, более значимо, чем философствующий поэт, Ф.И. Гиренок открыт Простору, который гораздо более прозрачен, чем пуст. В этой являемой и всегда недостижимой открытости, и потому как бы в пустоте нам видится, конечно же, не пресловутый литературный Петька, но краеугольный Петр.

На книжной полке труды Ф.И. Гиренка пребывают как рыбы, пробующие острыми краями своих обложек-кож контуры трехового мыса мироздания, мыса под названием «Кто там?» И эта полка, если, уснув наяву, себе самому присниться явью, туманится почти наравне, но все же чем-то длиннее всего протяжения Места для земли и воды, обтекающей Хронос. «А земли и волны длинней лишь вереница дней. И ночей», – писал И.А. Бродский.

Автор меньше книги, но всегда старше нее, хотя, возможно, и не мудрее. Читатель по возрасту неизбежно старше даримой ему книжной юности, но объятнее книги горизонтом своих грядущих пониманий для возможного получения книжной снисходительности. Очень желаемой, но так трудно обретаемой при встрече с текстами профессора в попытке схватить их за ускользающие смысловые рукава.

Титулы книг Ф.И. Гиренка на поверхности восприятия сложны, не всегда понятны и уж отнюдь не царственны для земных владык привычного. «Пат», «пато-логия», «аутизм», «археоавангард», «сингулярность», «галлюценоз»... Велик и чуден философский язык.

Титулы, как тигли, взыскуют обработки содержимого: разъяснений, переводов, передач. И что особенно важно – загадочных умолчаний.

Производимые же от этих титулов именованья просты и величественны. И, хотя нередко именованья все-таки не вполне

понятны, но в них уже содержится надежда ясности. Смысловой, ибо «без-с-мысл-енной», избавляющей от «мысленного волка».

Наличие биографии у этих названий для идей и концепций Ф.И. Гиренка очевидно. Но существует ли у них история? И да, и нет. Подобно стволу и ветвям алтайской пихты, которые растут из года в год, но остаются тем не менее ризомным единством воплощенного времени. Отношение к «у-зор-ам», «со-чин-ениям» философских идей Федора Ивановича, по крайней мере в моем личном случае, это всего лишь тающий инверсионный след самоописаний его собственного творчества. Наверное, об этом писал Ж. Деррида: «Живое присутствие простирается вовне из его нетождественности себе самому... Нечто всегда уже след».

Хотя при встрече с произведениями Ф.И. Гиренка след этот все же не только тающий. Здесь есть некий «фосфор». Поэтому след становится галлюциногенным. Осциллирующим инаковостью самости философа. И философствования как такового. Человек при этом видит(ся) разным через окошки различных «из-мир-ений». Но главным для «здесь» является именно наличие Окна.

Труды и идеи Федора Ивановича – это поприще, служение странничеству. Очарование себя и других обортонами взгляда и сказа. Бесстрашное остранение словесных завес. Дословность дороги как недосказанность всегда продолжающегося разговора о пути. «В Говорении мы неожиданно обнаруживаем эхо Сказанного, значение которого не собрано воедино», – утверждал Э. Левинас.

В одном из своих интервью Федор Иванович поделился желанным видением своих текстов и лекций, в которых «философская часть разъяснялась бы литературной частью и совпадала по мысли с живописью, а выражалась в музыке». Философия Ф.И. Гиренка действительно музыкальна. В ритмах фрагментов, фонетике, аллитерациях и мелодике языка текстов, предлагаемых читателям и слушателям, как будто слышится истина о том, что «...жителей шум трескучий – только отклик искаженный торжествующих созвучий», как писал В.С. Соловьев.

Но, пожалуй, основной музыкальной метафорой для творчества философа является синкопа как изменение ритма и чередование сильных и слабых долей музыкальных (и иных) фраз. Семанти-

ческое синкопирование создают дефисы, смены пунктуационных ритмов, столкновение синтаксисов и игра лексических морфем. Особая же роль в синкопах Ф.И. Гиренка принадлежит энтимемам его письма, в полноте/неполноте структур которых происходит «пульсация» смыслопорождения и понимания, слагаются афористичные и яркие, нередко парадоксальные суждения.

А итоговую подсказку для разгадывания главного секрета, объединяющего, пожалуй, все разностороннее творчество Федора Ивановича и помещенного философом для нас на самую поверхность видения и слышания, дает, наверное, *fermata* – остановка музыкального движения путем увеличения длительности звучания или паузы. Верно замечено И.А. Бродским: «Только то тело движется, чья нога перпендикулярна полу».

В наших российских мегаполисах (головах?) есть улицы, в которых как будто запечатлены образы остывшего культурного чувства. Улицы, похожие на лежащие на боку каменные колодцы. Не наши улицы. Слишком какие-то европейские. С прозорливой грустью высказался Ф.М. Достоевский в эпилоге «Идиота» устами генеральши Епанчиной: «И все это, и вся эта заграница, и вся эта Европа – все это одна фантазия и все мы за границей – одна фантазия».

Но вдруг что-то иногда происходит на пересечении, на переходе, в приостановке суетного движения таких улиц. В их перспективе, обращенной к небу, открывается... проем.

Проем воздуха и облачного предрассветного света. Проем – широченная точечная открытость к полноте. Ее дословное обещание как обетование.

Философия Федора Ивановича Гиренка – это философия Проема, т.е. как бы Окна, Двери на пороге к подлинной человечности. Как будто философ в этом проеме, говоря словами Б.Л. Пастернака, «...вышел на подмости. Прислонясь к дверному косяку».

И правда ведь: жизнь прожить – не поле перейти.

С.В. КЛЯГИН